

Жизнь уходит — куда проворно,
Будто прожита на износ.
Чистый спирт обжигает горло
До смерти и до слез.

Ей, газетчик! Пиши в бумагу,
Чтобы правнукам рассказать,
Что больше, чем пить спиртягу —
После него дышать.

Дайте землю — и будет память
На могилке моей полна,
Даже если поглотит камень
Мои — с отчеством — имена.

Поравняется внук на березку —
И отыщет среди толпы.
Если дочь его капнет слезкой —
То к чему мне стакан воды

И пшено рассыпное в тело,
Чтобы видели воробьи,
Что меня на священном белом
Хоронили и берегли!

Приходите взглянуть устало
В несмеющиеся уста
Фотографии странно старой
Под косящей ногой креста,

На могильную повилику,
Мелкий холмик с большим репьем,
Под которым в гробу забитом
Я всю землю держу плечом,

Как держал ее в сорок первом!..
Но об этом болтать гораздо
Либо тот, кто в бою не был,
Либо кто за помин поддаст.

Двадцать лет под землей, взрытой
Теми пулями, я лежу...
Ладно! только плесните спирту —
Я вам, может быть, расскажу.

прадеду
Несмеянову Егору Алексеевичу
1906–2000

* * *

1

В невысокой траве полежим
Под ногами хрущевских домов —
Там, где быстро летают стрижи,
Состригая туман комаров.

Шла актрисой заря на поклон
И, зардевшись, сбежала прочь.
За нее — перезвоном и сном
Щербоглазая юная ночь.

Танцовщицей волос и монет
Пробежалась, шифоном шурша,
Будто вдруг за бесчисленность лет
У нее осмелела душа,

Поднялась, как степная трава,
Загорелась, как та заря, —
И так хочется, чтоб до утра
Даже смерть устыдилась себя:

Не пришла горделивым жнецом
Ни к кому на планете всей —
Не заставила чей-то дом
Хоронить дорогих людей.

Пока тянутся вверх тополя
 Пылкой жаждой седых юнцов,
 Воробьятами ты да я
 Жмемся к теплой земле лицом.

У нее мерно ходит грудь
 Где-то там, у грунтовых вод;
 От нее хорошо уснуть,
 На кулак положив живот.

В ярких искорках свой хитон
 Ночь развяжет, взмахнет рукой —
 Он не тронет твой чуткий сон,
 Укрывая нас с головой.

Обнаженная, щурит глаз
 И касается тонких рук
 Тополей, в полуночный час
 Обступающих все вокруг...

* * *

Погоди говорить о грузине в высокой башне.
 Ее смыло давно водопадом речей и съездов.
 Ее грубый песок растворился в проховых пашнях,
 Оплетающих волосами крутые бездны.

Под грудями холмов утопилось чужое время,
 Застрелилось обрезом, повесилось на березе;
 Нам сегодня пора распрямиться и стать взрослее,
 Отойти от коня, давно сдохшего на морозе.

Где дельфином ныряет степь по-над горизонтом,
 Где с закатом дорог так темно, что не видят совы,
 Расположены *будет-люди* другого сорта,
 Начиненные нашим сердцем и нашим словом.

Они ждут, как завод ожидает начала смены,
 Когда танкер мечты станет больше дворцов и башен:
 Засопит поршневой насос по-ежиному неумело —
 Задрожит за столом директор, потому что страшно.

* * *

Если кричали: «Огонь!» —
 Сразу вставляли рослыми
 Рыцари стертых времен
 Стертой портянками поступью.

Шаг — шириной в окоп.
Глаз — в глубину восточную —
Солнечно и светло
Уткнулся в лицо отечное.

Выдрать из горла стон
И бронить танками —
Рыцари стертых времен
Редко тогда плакали,
Часто месили курево
С отобранным у покойника
И никогда — думали,
Как бы так поспокойней-ка.

Рыцарей стертых лет
Мамки в платках и шальях
Не для того на свет
В черных полях рожали.
Думали: человека —
А их щенками в прорубь.
Вернулся одной — калека,
Другой — похоронный голубь.

До одури и надрыва,
До бегства и до отваги
Орденом страшной силы
Рыцари шли на шпаги,
Сжатой в кулак мезью,
Брошенной в цель гранатой, —
Шли — непреклонной честью,
Под козырек взятой!

* * *

Мне вечно тревожно о чем-то — и грустно — и злобно.
Мне хочется крика — бросаюсь в костерное жало.
Я чувствую: что-то ломается внутриутробно.
Я чувствую: недолюбила и недодышала.

Настанет минута, когда рухнет смерть между нами
На старые черные полугнилые колени.
Она неожиданно тихо лежит под ногами
И жалобно смотрит затравленным взглядом оленьим.

Мне кажется: ей одиноко — и грустно — и страшно.
Я чувствую: ей, выполняющей грязное дело,
Давно все постыло и стало почти неважно,
Давно все засохло и даже очертенело.

Она, обреченная только косить народы,
Только поить королей молоком и ядом, —

Самая нелюбимая из дочерей природы —
Самая одинокая из поселенцев ада.

А я ее вижу — в густой черноватой туче,
Ползущей за Курском скорей утопить Воронеж.
В отчаянном скрипе упавшей ольхи трескучей.
В дрожании вазы, которую чуть стронешь.

И я ее чувствую. В сломанном старом трамвае,
В тусклых окошках домов, превращенных в гетто.
В вое сирен «скорой».
В библиотеке.
В мае.
Где-то почти везде.
И даже в себе где-то.

* * *

Бог — это не поп в храме,
Ругавший меня за джинсы,
И не глаза в золоченой раме —
Грустные, безресницые.

Богу не важно, куда приду я
В два или три креститься.
Бога не нужно трепать всуе,
Он — птица.

* * *

Будет северный ветер с порывами до
Двадцати — двадцати пяти.
Утащили порывы меня на дно
Уходящего вниз пути.
От черемухи цвет обрела сирень
И добавила холода.
Зябко ежит листву ноябренька тень,
Завернувшего не туда.

Самый малый спасется в любую стынь.
Если вздумаешь — посмотри:
Нераскрывшийся лист бережет полынь
Пуховинкой птенца внутри.
А большая осина большим плечом
Поведет — и наткнется на
Не нашедших покоя себе ни в чем
Леденеющие ветра.
Распахнет свои руки — обнимет их,
Одичавших без теплых губ, —
И падет, переломанная под дых,
На оставленный кем-то сруб.

Я пока не большая — стена ракист,
Уходящий в ручей сугроб;
Из остатков любви я направлю щит
Прямо северу в мертвый лоб.
Тот порыв в двадцать пять унесет мой крик
С сожалением и тоской,
Оставляя слепыми всегда немых
Наслаждаться такой весной.

* * *

Трещиной толстой вода улыбалась —
Между проталин — от уха до уха,
Утки скользили и рассыпались
По полыньям семенами подсолнуха.

Страшно ступить по-над топью и бездной —
И подойти, и всмотреться даже
В гулкую страшную неизвестность
Вместо понятных прямых этажей,

Топотом лестниц обвивших шею,
Шепотом окон продувших спину, —
Я обещаю, что я сумею
Резко шагнуть на хребет льдины,

Встать, широко распахнув ресницы,
Крепко расставив чужие ноги,
Не улететь оголтелой птицей,
А устоять на большой дороге,

Сплавом идти по ручьям и рекам
С песней — неясно, откуда данной, —
И сохранить себя человеком
Вплоть до высоких равнин саянных.